

КАК МЫСЛИТЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ?

- ТЕЛО, ЯЗЫК, СОБЫТИЕ -

(шестой франко-немецкий философский colloquium,
Эвиан (Франция), 6–16 июля 2000 г.)

Wie Materialität denken? – Körper, Sprache, Ereignis – Comment penser la materialité? – Corps, langage, événement (colloque philosophique franco-allemand, Evian, 9–16. Juillet 2000)

То, что постановка вопроса о материальном и его мышлении является проблемой, известно давно, пожалуй, со времен досократиков. Очевидным является и то, что формы такого мышления образуют историю или даже истории: философии, искусства, науки, практического обхождения с материальным. Эти истории и имеют отношение к современному мышлению материального и дистанцируются по отношению к нему. Это во многом и стало отправной точкой данного colloquiuma. Можно даже сказать, что споры о материальном и его мышлении развернулись как споры в основном трех “группировок”: материалистов под руководством Дж. Мардоха (Нью-Йорк), выступившего с докладом, открывшим colloquium: “Материал, материальность и диалектика в XIX столетии”, феноменологов, таких, как Д. Фопп (Париж/Берлин), доклад которого назывался “Материя Мерло-Понти: физиогномия, реальность, объективность”, П. Делема (Бохум/Гамбург), выступившего с докладом “(Не)упорядоченная материя”, и деконструктивистов, которые заявили о себе прежде всего в рамках “круглых столов”, имеются в виду Ш. Бланк и О. Шульц (Берлин), руководившие “круглым столом” под названием “Использованная материя: между телом и знаком”, Э. Кокс (Париж/Чикаго) и К. Фельдман (Беркли), отвечавшие за “круглый стол” “Материальность, металепись и деконструкция”.

Если попытаться очертить круг возникших и очерченных в этих спорах проблем, то это: проблема производства/порождения материального (происходит ли оно всегда спекулятивным путем, предполагающим в большей мере идеологию и духовные процессы, нежели самопроизведение самой материи); проблема начала самого мышления материального (является ли таковым *тело* или оторванное от тела *мышление* или

опыт как структура, отношение “плотного мира” и означающего мир сознания); наконец, проблема “онтологии” материального, возможна ли она (ответ деконструктивистов на этот вопрос: возможна как знаковая “онтология”, которая-то и позволяет нам впервые мыслить тела и сознания, о которых так упорно говорят феноменологи).

Докладом, позволившим несколько выйти за пределы трех указанных интерпретационных “движений” материального, оказался доклад Ч. Фетоса (Бразилия) “От “аристократии зрения” к “анархии чувств”, в котором была сделана очень удачная, на мой взгляд, попытка “археологии знания”, путь к которому в истории философии начинался и руководствовался способностью созерцать, подчинявшей себе все остальные чувства, а значит, и само материальное. Заслугой М. Мерло-Понти, по мнению выступающего, явилась реабилитация других чувств или чувствования (*le sentir*), которое и сделало необходимым восхождение к смыслам и истинам из сферы чувств. Заключительной фразой доклада стало заявление, что сама философия (и прежде всего философия М. Мерло-Понти) мыслит чувственным и конечным образом, а это значит, представляет из себя плотное эстетическое мышление. Такая позиция подготовила переход к другим, не менее интересным докладам: Х. Грюни (Эссен) “Опыты материи у Адорно” и М. Релли (Марбург) “Мыслить интенсивное. Размышления, отталкиваясь от Делеза”. В случае Адорно речь шла о таком открытии телесного (прежде всего в страдании и боли), которое преобразовывало бы само мышление, делаясь его стимулом, не позволяющим мышлению стать тотальным и негативным: центральной претензией философии в таком случае становится претензия “мыслить не-мышление”, то, что может вытесняться мышлением за счет разрушения и деформации опыта нашего существования в теле (телесного опыта), того, что “меня несет и является для меня грузом”. В случае Делеза речь шла о попытке обращения к материальному через понятие интенсивности, характеризующей бесосновный опыт, который может быть как актуальным, так и виртуальным: “встречей со знаком”. Такая постановка вопроса может быть в какой-то мере рассмотрена как встреча феноменологии с деконструкцией: знаки, оказывается, имеют отношение к опыту, который, возможно, может быть понят и как процесс использования знаков (их повторение), обеспечивающий утверждение смысла (теория Деррида/Бертрама, еще одного участника, но, прежде всего, организатора коллоквиума). В итоге материя оказалась возможной и мыслимой в различных перспективах, которые, как мне показалось, пытались не “подчинить” себе материю, а “дать ей слово”, такое слово, которое самым непосредственным образом имело бы отношение к “плотности мира”, не важно, имеет ли она знаковый (виртуальный) или какой-то другой характер (например, плюральный мир меня и Другого/Других [Левинас/Делем]), не укладывающийся ни в какой порядок и соответствующий скорее или сначала “анархии чувств”, а затем “повторению знаков”.

О. Шпарага